

На правах рукописи

Панова

Панова Елена Павловна

**«Мягкая власть» как способ воздействия
в мировой политике**

Специальность 23.00.04 - Политические проблемы международных
отношений, глобального и регионального развития

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
политических наук

2 6 ЯНВ 2012

Москва - 2012

Диссертация выполнена на кафедре мировых политических процессов Московского государственного института (Университета) международных отношений МИД России

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
ЛЕБЕДЕВА МАРИНА МИХАЙЛОВНА

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФНАСЬЕВИЧ

кандидат политических наук, доцент
ТРОИЦКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ

Ведущая организация: Дипломатическая академия МИД
России

Защита состоится «16» февраля 2012 г. на заседании диссертационного совета Д 209.002.02 (политические науки) при Московском государственном институте (Университете) международных отношений МИД России в 14 часов, ауд. 216

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МГИМО (У) МИД России по адресу: 119454, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. С авторефератом диссертации можно ознакомиться на сайте www.mgimo.ru.

**И.О. УЧЕНОГО СЕКРЕТАРЯ
ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА**

Т.А.ШАКЛЕИНА

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последние годы Россия наращивает усилия для укрепления своего влияния в мире, продвижения своих интересов, создания благоприятных внешних условий для модернизации страны. Все эти усилия требуют от российского руководства ясного представления о том, какие ресурсы и инструменты влияния имеются в его распоряжении, и для решения каких задач они могут быть использованы.

Актуальность данного исследования определяется рядом обстоятельств. Во-первых, растущим пониманием среди политиков и политологов того, что для наилучшего обеспечения государственных интересов необходимо привлекать инструменты и ресурсы «мягкой власти», которая понимается как способность добиваться нужных результатов, изменяя поведение других, путем формирования их предпочтений, используя при этом собственную привлекательность. Во-вторых, в современных условиях взаимозависимости политических и экономических процессов любое принуждение с большой долей вероятности может обернуться против того, кто его применяет, поэтому актуальным вопросом мировой политики по-прежнему остается проблема оказания влияния без принуждения, используя не прямые методы воздействия, такие как «мягкая власть». В-третьих, несмотря на обширное освещение проблематики «мягкой власти» в политологической литературе, принцип ее действия – привлекательность – остается мало изученным. Необходимо уточнить, что представляет собой «мягкая власть», каким образом она может служить реализации целей государства и любого другого актора. В рамках данной работы основной акцент будет сделан именно на государствах, поскольку они являются ключевыми акторами мировой политики, и на их примере можно продемонстрировать весь инструментарий «мягкой власти».

Термин «мягкая власть» (soft power) был предложен американским исследователем Дж. Наем. Следует отметить, что существуют и другие

варианты перевода на русский язык данного понятия: «мягкая сила»¹, «гибкая власть»², «мягкая мощь»³, – все они используются в российской политологической литературе. Однако представляется, что именно словосочетание «мягкая власть» наилучшим образом соответствует описываемому явлению, т.к. речь идет о способности изменять поведение других акторов, заставляя их опосредованно делать то, что они в ином случае не сделали бы, т.е. это категория именно власти, а не силы или мощи, поэтому в данной работе понятие «мягкой власти», «мягкой силы» и др. понимаются как синонимы.

Таким образом, в данной работе исследуется «мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике, ее сущность и инструменты.

Объектом исследования выступает «мягкая власть» как способность акторов влиять на поведение других и изменять его в желаемую сторону, используя для этого собственную привлекательность, которая конструируется этими акторами-субъектами влияния.

Предметом исследования является формирование привлекательности в мировой политике в качестве механизма осуществления «мягкой власти».

Цель исследования – выявление специфики «мягкой власти» как одного из ресурсов воздействия в арсенале государства в мировой политике.

Задачами исследования являются:

- 1) рассмотрение понятий и концепций, ассоциированных с «мягкой властью», выявление основных направлений современных исследований в данной области, в том числе в рамках отечественной школы мировой политики и международных отношений;
- 2) изучение того, что есть «привлекательность» в мировой политике (идеи, модели, проекта, государства), каким образом она создается или

¹ См., например, Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю. Международные процессы, том 3, номер 1(7), январь-апрель 2005.

² См., например, Най Дж. С. Гибкая власть. М., Фонд Социо-прогностических Исследований "Тренды", 2006. – 224 с.

³ См., например, Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ. // Международные процессы. [[Электронный ресурс]]. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm>

конструируется самими участниками международных отношений, с использованием различных теоретических подходов;

- 3) рассмотрение инструментов «мягкой власти», имеющихся в распоряжении государств, в том числе России, которые могут быть использованы для отстаивания собственных интересов на мировой арене в краткосрочном и долгосрочном периодах, анализ их эффективности;
- 4) анализ возможностей влияния традиционных и новых СМИ (социальных медиа) на формирование интерпретации текущих вопросов мировой политики и международных отношений в рамках глобальной информационной сферы;

Научная новизна исследования. С момента публикации работы Дж. Ная «Обязаны быть лидером» в 1990 г., было проведено множество исследований «мягкой власти», в том числе критических, однако подавляющее большинство работ были посвящены изучению способов ее осуществления, например, в рамках целого направления в публичной дипломатии. Однако сам механизм создания привлекательности – то, что заставляет одних акторов быть более притягательными, чем другие, и то, что составляет суть способности использовать «мягкую власть» – оставался мало изученным.

В последние годы, сначала на Западе, а потом и в России исследователи стали активно обращаться к теме «мягкой власти», видя в ней потенциальный ресурс для расширения возможностей оказания влияния на международные процессы. Были созданы государственные компании, призванные работать на укрепление «мягкой власти», например, ТВ и радиовещание, культурные и обменные программы, молодежные фонды, однако вопрос о том, что именно заставляет одни проекты быть более успешными, чем другие, оставался открытым. Недостаточно изученным оставался самый главный аспект «мягкой власти» – формирование привлекательности, того, что, по словам Дж. Ная, «заставляет другие государства следовать за государством-лидером». Данное исследование направлено на восполнение данного пробела.

Источниковая база исследования и степень научной разработанности проблематики. В качестве основных источников исследования были использованы основополагающие документы по внешней политике Российской Федерации, и прежде всего – Концепция внешней политики РФ 2008 г. Значимый вклад в работу внесли публикации в периодической печати; интервью с действующими и бывшими официальными лицами, ответственными за информационную политику и работу с международным общественным мнением, а также за контакты с соотечественниками и политику в области международного молодежного сотрудничества, в том числе в рамках форума «Селигер»; реформа в области высшего образования в России; интервью с руководителями и главными редакторами, журналистами и аналитиками ведущих российских и международных СМИ.

Концепция «мягкой власти» была сформулирована Дж. Наем, и именно его работы в данной области на протяжении нескольких лет послужили отправной точкой для данного исследования. Следует отметить, что Дж. Наю приходилось вступать в полемику со своими критиками, поэтому к своим первоначальным тезисам он впоследствии добавил новые уточнения⁴.

В работе сделан теоретический экскурс, позволяющий проследить, как в рамках теории международных отношений различные школы подходили к рассмотрению проблематики власти в мировой политике. В частности, работы Г. Моргентау⁵, К. Уолтца⁶, Д. Миршмейера⁷, Д. Айкенберри⁸, Р. Кокса⁹, Р. Кохейна¹⁰; отдельно представлен взгляд Х. Арендт на коммуникативную

⁴См., например, Joseph S. Nye. *The Powers to Lead*. Oxford University Press, 2008, с. 142

⁵Morgenthau H. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. NewYork: Alfred A. Knopf, 1978.– 409 p.

⁶Waltz K. *Theory of international politics*. McGraw-Hill, 1979.– 251 p.

⁷Mearsheimer John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. University of Chicago, W.W. Norton and Company, Inc, 2001.– 555 p.

⁸Ikenberry J. *After victory: institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars*. Princeton University Press, 2001.– 320 p.

⁹Cox R., Sinclair T. *Approaches to world order*. Cambridge University Press, 1996.– 552 p.

¹⁰Keohane R. *Power and Governance in a Partially Globalized World*. Routledge, London and NewYork, 2002.– 298 с.

природу власти¹¹, а также взгляды Р. Кокса¹² и А. Грамши на гегемонию¹³, поскольку работы последнего в данной области отмечает сам Дж. Най. Проблематика «силы» и «влияния» на мировой арене также разрабатывалась Ю.П. Давыдовым¹⁴, Д. Стоссинджером¹⁵, в работах Р. Дувалла¹⁶, К. Норра¹⁷, М. Барнетта¹⁸ и др.

Публикация концепции «мягкой власти» Дж. Ная вызвала серьезную дискуссию в политологических кругах, которая частично сфокусировалась на том, что, по мнению других исследователей, следует уточнить в оригинальной идее Ная. Работы других авторов расширяют понимание «мягкой власти» в мировой политике. К ним, в первую очередь, относятся исследования конструктивистов – Дж. Маттерн¹⁹ и С. Льюкса²⁰, а также семиотический анализ «мягкой власти», предложенный российскими исследователями М.А.Троицким и И.А. Зевелевым²¹.

Проблемы формирования имиджа России изучались В. Кононенко²², Т. А. Алексеевой²³, М. Л. Камынина²⁴; вопросы воздействия СМИ на процесс

¹¹Arendt H. On violence. Harvest, 1970.– 106 p.

¹²Cox R.W. Gramsci, Hegemony and International Relations. // Millennium: Journal of International Studies, Vol. 12 (1983), pp. 162-175. [[Electronic resource]]. Mode of access: <http://mil.sagepub.com/content/12/2/162.extract>

¹³Грамши А. Тюремные тетради. М., Издательство политической литературы, 1991.

¹⁴Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. Том 2. Номер 1 (4). Январь-апрель 2004.

¹⁵Stoessinger J. The might of nations. Mcgraw-Hill College, 1992.– 429 p.

¹⁶Duval R. Power in global governance. Cambridge University Press, 2005.– 368 p.

¹⁷Knorr K. Power and wealth: the political economy of international power. New York, Basic Books, 1973.- 210 p.

¹⁸Barnett M. Power in international politics // International organization 59, winter 2005.

¹⁹Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, Vol.33 #3 2005.

²⁰Lukes S. Power: a radical view. Macmillan, 2005.- 192 p.

²¹Зевелёв И.А., Троицкий М.А. Сила и влияние в американо-российских отношениях. Семиотический анализ // Очерки текущей политики. Выпуск 2. Научно-образовательный форум по международным отношениям. Москва, 2006.

²²Кононенко В.А. Создать образ России? Россия в глобальной политике, №2, март-апрель 2006г.

²³Алексеева Т. Россия в пространстве глобального восприятия. Международные процессы. Том 5. № 2 (14), 2007. [[Электронный ресурс]]. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fourteen/005.htm>

²⁴Камынин М.Л. Имидж России //Международная жизнь. - 2008. - №1-2.

принятия политических решений рассматривались в работах Э. Гилбоа²⁵, Ф. Кука и Т. Тайлера²⁶, Д. Алтеида и Р. Сноу²⁷, С. Ливингстона²⁸, Ф. Сейба²⁹, Р. Энтмана³⁰, в диссертационных исследованиях О.В. Зегонова³¹, А.В. Долинского³² и др.

Аспекты культурной глобализации рассматривались П. Бергером и С. Хантингтоном³³; высшему образованию как политикообразующему фактору мировой политики посвящены работы М.М. Лебедевой³⁴.

Тема идеи американского лидерства в современном мире и особенности развития современного миропорядка рассматривалась в работах А. Богатурова³⁵, Д. Айкенберри³⁶, К. Уолтца³⁷, С. Краснера³⁸, З. Бжезинского³⁹, Ф.

²⁵Gilboa E. Global Television News and Foreign Policy: Debating the CNN Effect. *International Studies Perspectives*, #6, 2005.

²⁶Cook, F. L., T. R. Tyler. Media and Agenda Setting: Effects on the Public, Interest Group Leaders, Policy Makers, and Policy. *Public Opinion Quarterly* 47, 1983; Cook T.E. Governing With the News: the news media as a political institution // *The Journal of Politics*. – 1999. – 61 (1).

²⁷Altheide, D. and R. Snow. *Media Logic*. Beverly Hills, Sage, 1979.– 256 p.

²⁸Livingston S. Clarifying the CNN effect: An Examination of Media Effects According to Type of Military Intervention. The Joan Shorenstein Center.[[Electronic resource]]. Mode of access: <http://www.genocidewatch.org/images/1997ClarifyingtheCNNEffect-Livingston.pdf>; Livingston S. Diplomacy in the new information environment. // *Georgetown Journal of International affairs*, summer 2003.

²⁹Seib P. Hegemonic no more: Western Media, the rise of Al-Jazeera, and the Influence of diverse voices. *International Studies Review*, #7, 2005; Seib P. Beyond the frontlines: how the news media cover a world shaped by war. Palgrave Macmillan, 2004; Seib P. Media and conflict in the twenty-first century. Palgrave Macmillan, 2005 – 242 p.; Seib P. Toward a new public diplomacy: redirecting U.S. foreign policy. Palgrave Macmillan, 2009.- 257 p.

³⁰Entman R. Framing: toward clarification of a fractured paradigm//*Journal of communication*, #4, 1993; Entman R. Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and U.S. Foreign Policy. The University of Chicago Press, 2004.- 229 p.

³¹Зегонов О.В. Роль «глобальных» СМИ в мировой политике. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. наук. – М.: МГИМО (У). – 2009.

³²Долинский А.В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии. Диссертация на соискание ученой степени канд. полит. наук. – М.: МГИМО (У). – 2011.

³³Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация, М.:2004. – 378 с.

³⁴Лебедева М.М. Европейская интеграция в области высшего образования: потенциал сотрудничества университетов России и Латвии. *Научно-культурологический журнал*, №9 [111], 2005; Лебедева М.М. Политикообразующая функция высшего образования в современном мире. // МЭ и МО, №10, 2006; Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России. // *Вестник МГИМО-Университета*, №6 (9), 2009.

³⁵Богатуров А. Д. Современный международный порядок. Международные процессы. [[Электронный ресурс]]. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm>.

Фукуямы⁴⁰. Особенности современного этапа развития политической системы мира рассматриваются М.М. Лебедевой⁴¹, О. Н. Барабановым и Д. М. Фельдманом⁴², Дж. Розенау⁴³; альтернативному проекту мироустройства, который выдвигается международными террористическими организациями, и может рассматриваться как источник «мягкой власти» для транснационального терроризма, посвящены исследования М. М. Лебедевой⁴⁴, А. В. Малашенко⁴⁵, Д. Эспозито⁴⁶, Д. Б. Малышевой⁴⁷ и др.

Весомый вклад в работу внесли публикации в специализированных отечественных и зарубежных научных журналах, посвященных проблемам международных отношений и мировой политики, теории международных отношений, СМИ, публичной и общественной дипломатии (в т.ч. «Международные процессы», «Мировая экономика и международные отношения», «Космополис», «Полис», «Россия в глобальной политике», «Russia Profile», «Foreign Affairs», «International Studies Perspectives», «Review of International Studies», «Millennium: Journal of International studies» и др.).

³⁶Ikenberry J. After victory: institutions, strategic restraint and the rebuilding of order after major wars. Princeton University Press, 2001. – 320 p.

³⁷Waltz Kenneth M. Structural Realism after the Cold War // America Unrivaled: the Future of the Balance of Power, Cornell University Press, 2002.

³⁸Krasner S. D. International Regimes. Cornell University Press, 1986. – 372p.

³⁹Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. – 278 с.

⁴⁰Fukuyama F. The end of history and the last man. Avon Books Inc, 1992 – 418 с.; Fukuyama F. Has History Restarted since September 11. The centre for independent studies. [[Electronic resource]]. Mode of access: <http://www.cis.org.au/events/JBL/JBL02.html>

⁴¹Лебедева М.М. Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2007. - 365 с.

⁴²Барабанов О. Н., Фельдман Д. М. Если Вестфаль болен, то этот больной скорее жив, чем мертв. // Международные процессы, том №5, Номер 3(15), сентябрь-декабрь 2007.

⁴³Rosenau J. The study of world politics. Routledge, 2006. – 301p.

⁴⁴Lebedeva M. The Terrorist Threat to the World Political System / Connections. – 2006. - # 1 (Winter).

⁴⁵Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М., Весь Мир, 2006.– 220 с.

⁴⁶Espozito J.L. The Islamic Threat: Myth or Reality. Oxford University Press, 1999. – 328 p.

⁴⁷Малышева Д. Б. Мусульманский компонент мировой политики. Pro et Contra, том 7, №4, осень 2002 г.; Малышева Д. Б. Исламско-фундаменталистский проект в реалиях современного мира // МЭ и МО, №7, 1999 г.

При подготовке исследования использовались статистические и аналитические материалы The Pew Research⁴⁸, Reuters⁴⁹ и др.

Представленные выше исследования заложили методологическую и теоретическую основу диссертации.

Теоретико-методологические основания исследования.

Автор исходит из конструктивистского подхода к анализу международных отношений и мировой политики, в рамках которого все события и явления международной жизни и сама международная среда представляют собой социолингвистически сконструированные матрицы убеждений, с помощью которых субъекты определяют самих себя и свое место в мире, строят отношения друг с другом. Конструктивистский подход к анализу международных отношений применялся С. Гуццини⁵⁰, А. Вендтом⁵¹, Д. Маттерн⁵², С. Льюкса⁵³ и др.

Для рассмотрения примеров, иллюстрирующих выдвигаемые в работе предположения, применен подход «case-study».

Положения, выносимые на защиту:

1. «Мягкая власть» в мировой политике – это способность влиять на формирование интерпретаций политических вопросов, попадающих в глобальную информационную сферу таким образом, чтобы они отражали интересы отдельного государства или группы государств, или других акторов.

⁴⁸The Internet and Campaign 2010. The Pew Project [[Electronic resource]]. Mode of access: <http://www.pewinternet.org/Reports/2011/The-Internet-and-Campaign-2010/Summary/Findings.aspx>

⁴⁹Internet most popular information source: Reuters Poll. [[Electronic resource]]. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2009/06/17/us-media-internet-life-idUSTRE55G4XA20090617>

⁵⁰Guzzini S. The concept of power: a constructivist analysis. Millennium: Journal of International Studies, Vol.33, 2005. [[Electronic resource]]. Mode of access: <http://mil.sagepub.com/content/33/3/495.full.pdf>

⁵¹Wendt A. Anarchy is what states make of it. International Organization, Vol.46, #2, 1992; Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge University Press, 1999. – 429 p.

⁵²Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies, Vol.33 #3 2005.

⁵³Lukes S. Power: a radical view. Macmillan, 2005. – 192 p.

С появлением и развитием глобальных СМИ – в первую очередь телевидения, а также новых социальных медиа – расширилось и «производство смыслов», что дало, прежде всего, государствам, имеющим соответствующие технические и материальные ресурсы, новые возможности по влиянию на производство политических интерпретаций.

2. Создание «привлекательности» в качестве необходимого условия осуществления «мягкой власти» представляет собой не что иное, как лингвистическое конструирование интерпретации реальности, которая содержит деление на взаимно противоположные оценочные суждения (хорошо/плохо, справедливо/предвзято и т.д.). Через утверждение собственных интерпретаций того, что есть «хорошая» или «справедливая» идея, теория, модель или проект, государства могут рассчитывать на поддержку своих целей и интересов другими участниками на международной арене.

3. Следует различать краткосрочные и долгосрочные инструменты «мягкой власти». В краткосрочном периоде, который, как правило, не превышает нескольких месяцев, наиболее эффективными инструментами являются СМИ, традиционные и новые социальные медиа, с присущими им возможностями и ограничениями. В долгосрочной перспективе «мягкая власть» в меньшей степени зависит от риторики, но больше связана с практикой: государства, имеющие более привлекательные для остальных модели развития, подтвержденные уровнем жизни, экономическими и социальными достижениями, с большей вероятностью будут пользоваться авторитетом и одобрением. В длительной перспективе эффективными инструментами «мягкой власти» для государства являются, во-первых, предоставление услуг высшего образования, а, во-вторых, – развитие наук, в том числе общественных, основная задача которых заключается в производстве смыслов – теорий и концепций, легитимизирующих позицию и взгляды этого государства.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в теоретическую базу «мягкой власти», позволяют лучше понять принципы ее использования и повысить

эффективность применения инструментов «мягкой власти», доступных государствам. Понимание принципов конструирования собственной привлекательности на мировой арене позволит России расширить спектр инструментов «мягкой власти» и укрепить свои позиции в международном научно-политическом дискурсе. Выводы данного исследования могут быть использованы в работе государственных и негосударственных структур, отвечающих за информационную политику, взаимодействие со СМИ, культурные и академические связи, международные обмены, контакты с соотечественниками, проживающими за рубежом, и молодежную политику, а также за улучшение международного имиджа России.

Апробация исследования. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры Мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России.

Основные тезисы исследования были проверены на практике во время работы автора в течение нескольких лет сначала в качестве журналиста-редактора, а затем – помощника выпускающего редактора Дирекции информационного вещания на английском языке российского новостного телеканала Russia Today. В целом работа над проблематикой «мягкой власти» в мировой политике длилась пять лет. По теме диссертации опубликовано три работы, в том числе две из них в журналах, рецензируемых ВАК.

Структура работы состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения, содержащего список используемых терминов и определений. В первой главе дан краткий обзор теорий власти и влияния, исследуемых в рамках различных школ международных отношений и мировой политики. Здесь же представлена концепция разделения ресурсов власти на «мягкую» и «жесткую» американского ученого неолиберального направления Дж. Ная, а также те критические замечания, которые были выдвинуты исследователями-конструктивистами для уточнения его теории. Во второй главе рассматриваются инструменты «мягкой власти», которые могут быть эффективно задействованы для достижения результатов в краткосрочном периоде, такие как, например, глобальные новостные телеканалы, а в третьей

главе разбираются некоторые «кейсы», относящиеся к их деятельности. В четвертой главе рассматриваются долгосрочные инструменты «мягкой власти». В заключении приводятся основные выводы диссертационного исследования, выносимые на защиту. Работа представлена на 160 страницах, список литературы содержит 207 библиографических, документальных и новостных источников.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава первая «Теоретические подходы к изучению «мягкой власти» посвящена рассмотрению подходов в рамках различных теоретических школ, связанных с проблематикой власти в мировой политике в целом, а также разделением «мягкой» и «жесткой» власти в частности.

В первой главе было показано, что, во-первых, концепция, разделяющая власть на «мягкую» и «жесткую», не включает весь спектр властных отношений, складывающихся в международно-политической среде. Главным критерием разделения, согласно Дж. Наю, выступает а) напрямую действует актер или опосредованно; б) использует актер принуждение или привлекательность. «Мягкая власть», таким образом, есть способность субъекта заставить других изменить свое поведение, действуя опосредованно, без прямого принуждения, используя собственную привлекательность. Однако субъект может действовать опосредованно, без прямого принуждения, например, через международные институты и тоже добиваться необходимого результата, однако данный тип воздействия не связан с привлекательностью.

Во-вторых, в рамках первой главы показано, что предложенный Дж. Наем термин, безусловно, описывал не принципиально новое, а давно существующее явление, которое, однако, до этого не имело общепринятого академического определения. Публичная дипломатия как направление государственной деятельности для влияния на иностранное общественное мнение и формирования восприятия этого государства в других странах мира существовала уже долгие десятилетия и рассматривалась как одно из

направлений внешнеполитической деятельности. Следует отметить, однако, что понятие «мягкой власти» шире, чем публичная дипломатия, гражданская дипломатия или «брендинг» государств. Концепция «мягкой власти» сместила фокус с исключительно практических вопросов на изучение тех принципов, которые задействованы при взаимодействии с зарубежными аудиториями.

В-третьих, в первой главе рассматривается, что есть привлекательность как механизм действия «мягкой власти». За основы взяты работы исследователей, работающих в рамках конструктивизма, которые показывают, что привлекательность есть интерпретация о преимуществе какой-либо идеи над всеми остальными, сконструированная в ходе коммуникативного обмена между различными субъектами международного общения. Восприятие отдельных государств в мировой политике также формируется путем коммуникативного обмена, из них впоследствии и складывается целостный образ или идентичность актора. Этот набор характеристик не является раз и навсегда заданным, он подвержен изменениям в ходе непрерывного коммуникативного взаимодействия, иногда насильственным, что дает повод говорить о манипулятивном или принудительном характере «мягкой власти». Механизм действия «мягкой власти» заключается в способности воздействовать на систему социокультурных фильтров или «матрицу убеждений», составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия. Таким образом, «мягкая власть» тесно связана с дискурсом, с трансляцией информационного сообщения с целью подтолкнуть реципиента к его прочтению в определенном ключе и, в конечном итоге, заставить его изменить свое поведение. Можно предложить уточненное определение: «мягкая власть» есть способность субъекта убедить других, путем конструирования соответствующих интерпретаций фактов или реальности, сделать то, что они в ином случае не сделали бы.

Во второй главе «Инструменты «мягкой власти» в краткосрочном периоде» рассматриваются краткосрочные инструменты «мягкой власти» –

СМИ, среди которых особенно следует выделить глобальные новостные телеканалы. Такое внимание объясняется несколькими причинами. Во-первых, – обоснованными статистическими данными, показывающими, что телевидение в современном мире по-прежнему остается важным источником информации. Во-вторых, – растущим влиянием глобального телевидения на формулирование тех вопросов, которые попадают на обсуждение в политической повестке дня, национального и международного уровня. В-третьих, – расширением количественного и качественного состава участников глобального информационного пространства: наряду с коммерческими организациями в эфир выходят телеканалы, созданные государствами, для отражения их позиции и взглядов по вопросам внутреннего и глобального характера.

Некоторые международные исследователи-политологи используют определение «глобальных информационных войн» для обозначения различных подходов к интерпретации тех или иных событий, соперничающих повесток дня различных государств, которые глобальные телеканалы предлагают своим потенциальным аудиториям. Данное определение не отражает всей глубины происходящих процессов. С развитием и расширением информационной сферы, в которой, наряду с традиционными СМИ, действуют новые – социальные медиа, ни одному актору, даже самому развитому и мощному государству, не под силу контролировать или «дозировать» потоки информации. То, к чему стремятся многие государства и негосударственные акторы – это расширить свое присутствие в дискуссии по актуальным проблемам, иметь возможность формировать ее, направлять, корректировать или сглаживать некоторые «острые углы».

Пропаганда или одностороннее навязывание мнений «сверху» не может иметь успеха в плюралистической информационной среде, хотя элемент конкуренции, безусловно, в ней сохраняется. Прежде всего, глобальное информационное пространство превратилось в поле соперничества между государствами, которые соревнуются друг с другом за утверждение собственных информационных смыслов или интерпретаций.

Точкой отсчета становления плюралистической глобальной информационной сферы следует считать появление первого международного западного телевизионного канала Al Jazeera. До его появления в глобальном новостном телевидении безраздельно господствовали западные, преимущественно американские каналы. С момента своего основания в 1996 г. катарский канал позиционировал себя как голос мусульманского населения, чья точка зрения была недостаточно представлена в глобальном новостном контенте. Канал завоевал доверие международной аудитории прежде всего благодаря альтернативным материалам о войне в Ираке, которые отличались от той интерпретации, которая предлагалась его западными коллегами. Телеканал пользуется популярностью не только среди мусульманского мира, но и среди западных политиков, экспертов, имеет международное признание. Таким образом, из успеха Al Jazeera следуют, как минимум, два вывода: а) в мире есть интерес к альтернативной точке зрения, независимо от национальной или цивилизационной принадлежности того, кто ее представляет; б) в мире есть определенная «усталость» от доминирования западных новостных телеканалов, прежде всего CNN, чья точка зрения, как считается, отражает интересы американского правительства.

Кроме Al Jazeera, в мире есть еще несколько телеканалов, созданных на государственные деньги, вещающих на английском языке из неанглоязычных стран и нацеленных на международную аудиторию. Это французский France24, китайский CCTV, иранский Press TV, российский Russia Today. Появление все большего числа таких каналов свидетельствует о том, что государства с самыми различными политическим режимами и культурными традициями осознают необходимость работы с международным общественным мнением и необходимость напрямую влиять на то, как воспринимаются их действия.

Важность такой деятельности была зафиксирована и в основополагающем документе российской внешней политики. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 г. подчеркивается важность информационного сопровождения внешнеполитической деятельности,

доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о позициях РФ по основным международным проблемам и о процессах внутри страны. Поставлена задача добиваться объективного восприятия России в мире, развивая собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве. Следует отметить и еще один фактор, определивший все те усилия, которые российское руководство предпринимает в глобальной информационной сфере: существование предвзятых оценочных суждений и стереотипов в отношении страны в западных СМИ. Кроме деятельности телеканала Russia Today, к таким шагам, направленным на взаимодействие с общественностью зарубежных стран, в частности, относится: издание журнала Russia Profile, издание приложений в ряде англоязычных печатных изданий, сотрудничество с американским агентством Ketchum для улучшения имиджа России, работа фонда «Русский мир», Института демократии и сотрудничества в Париже и Нью-Йорке, и др.

Третья глава «Анализ роли традиционных СМИ и социальных медиа в формировании политического дискурса в контексте теории «мягкой власти» посвящена рассмотрению отдельных примеров или «кейсов». В первом «кейсе» рассматривается информационное освещение конфликта в Южной Осетии в западных СМИ, а также то информационное давление, в котором оказалась Россия в ходе конфликта как сторона, якобы развязавшая войну с Грузией с целью смены режима в этой стране. Данный пример раскрывает, что, во-первых, ввиду существования устойчивых негативных мнений относительно России в западной прессе, антироссийские интерпретации событий расходятся очень быстро, нанося ей значительный репутационный ущерб; во-вторых, современная новостная культура «быстрого реагирования» создает ситуации, в которых заведомо ложная информация сбрасывается в поле дискурса с расчетом на то, в течение некоторого времени она не будет перепроверена, однако будет влиять на «рамки дискуссии» и формирование интерпретаций

происходящего; в-третьих, война в Южной Осетии показала важность наличия собственного телевизионного канала для представления российского взгляда международной аудитории (во время конфликта альтернативные материалы о войне, размещенные каналом Russia Today, сделали его одним из самых просматриваемых на популярном видео-хостинге YouTube).

Во втором «кейсе» рассматривается роль социальных сетей и телеканала Al Jazeera в событиях «арабской весны», в частности – в Тунисе. Данный пример раскрывает, что социальные медиа стали эффективным инструментом организации и координации действий протестующих в арабских государствах. Во-вторых, социальные медиа взяли на себя функции традиционных СМИ по формированию интерпретации событий, а также продвижения рамок обсуждения данной проблемы с регионального на глобальный уровень. В-третьих, данный «кейс» раскрывает роль телеканала Al Jazeera в протестах: его про-демократические интерпретации многие эксперты рассматривают как поощряющие демонстрантов в арабских государствах.

В третьем «кейсе» анализируется деятельность организации Wikileaks как одной из новых медиа-структур в глобальном информационном пространстве. Сайт Wikileaks специализируется на публикации секретных файлов, относящихся к деятельности военных и внешнеполитических ведомств, других правительственных структур различных государств мира. На данном примере раскрывается, что, во-первых, современное государство теряет монополию на владение «государственной тайной». Во-вторых, организация, которая позиционирует себя как журналистская, открыто заявляет о том, что цель её публикаций заключается в намерении произвести политические изменения, что выходит за рамки того, что можно понимать как «объективность журналиста». В-третьих, на данном примере раскрывается роль Wikileaks в событиях в Тунисе: опубликованная сайтом дипломатическая переписка свидетельствовала о том, что США не станут поддерживать режим Бен Али в случае его падения, что придало оппозиции дополнительный стимул выйти на улицы. Таким образом, с учетом роли, сыгранной социальными медиа и Wikileaks, можно

говорить о том, что пример тунисской революции раскрывает как политическая интерпретация событий, предлагаемая СМИ в информационном поле дискурса, произвела реальные политические изменения.

В четвертой главе «Долгосрочные инструменты «мягкой власти» анализируется роль высшего образования в современных мировых политических процессах. В рамках данной главы показано, что в контексте укрепления «мягкой власти» государства предоставление услуг получения высшего образования позволяет сформировать определенное мировоззрение у иностранных гостей, отражающее ценностные ориентации самого принимающего государства и позволяющее рассчитывать на благоприятное отношение к стране пребывания с их стороны в будущем. Это достигается следующими путями: 1) пребыванием участников образовательных программ в стране подразумевает ознакомление с политической и экономической моделью ее общества, приобщением к культуре страны пребывания и ее ценностям; по возвращении домой они используют этот опыт, в том числе и при принятии решений опираются в большей или меньше степени и на полученные ценностные ориентиры. 2) конкурсным отбором получателей грантов и стипендий, который подразумевает выделение наиболее перспективных представителей в тех или иных областях деятельности или научного знания; после прохождения обучения с выпускниками сохраняются тесные связи в рамках сетевых сообществ, различных исследовательских центрах, что сохраняет за государством-спонсором возможности по влиянию на зарубежные элиты или использование их интеллектуального ресурса в собственных интересах (такой подход широко используется США).

В данной главе отдельно рассматриваются усилия, предпринимаемые Россией, в области высшего образования, такие как интеграция в единое европейское образовательное пространство (Болонский процесс). Целью этого процесса является сближение стандартов образования в европейских странах на основе двухуровневого образования (бакалавр и магистр), единой системы учета процесса обучения и контроля знаний, а также мобильности студентов и

преподавателей. Как ожидается, результатом интеграции может стать возрастание потоков иностранных студентов и преподавателей, приезжающих в Россию, создание сетевых сообществ выпускников и преподавателей университетов, формирование долгосрочных связей на уровне обществ, что расширит сферу применения российской «мягкой власти».

Наряду с Болонским процессом, важным фактором работы по дальнейшему повышению роли и авторитета России на мировой арене, ее вовлеченности в ключевые социально-политические и экономические процессы, является взаимодействие с молодежью зарубежных стран, в частности в рамках ежегодного форума «Селигер». Молодежь является наиболее мобильной и гибкой частью общества, готовой к генерации и восприятию новых идей и позиций. Таким образом, работа с зарубежной молодежью, направленная на формирование определенных взглядов, косвенно формирует и отношение, и убеждения, и восприятие будущих политиков, предпринимателей общественных лидеров и иных лиц, задействованных в принятии решений по ключевым вопросам жизни общества и государства. Позитивное и благожелательное отношение к России со стороны зарубежной молодежи, через определенный период времени может способствовать качественному позитивному скачку в восприятии России мировым сообществом.

В рамках данной главы роль «мягкой власти» также рассматривается в более широком контексте – с точки зрения соперничества в мире различных парадигм социально-экономического устройства. Поскольку ценности и идеология составляют ресурсы «мягкой власти», очевидно, что свое практическое выражение они находят в модели устройства общества и государства, в институтах и тех принципах, которых это государство придерживается на международной арене. Можно сказать, что на сегодняшний день те страны, которые имеют высокую степень реализации общепризнанных демократических ценностей, а также имеют высокий уровень экономического развития, имеют большую привлекательность для других государств и народов,

стремящихся достичь подобного уровня благосостояния. Таким государствам как, например, США или странам Европейского Союза легче использовать «мягкую власть» для привлечения союзников и партнеров, создания благоприятных альянсов; молодые специалисты к ним едут, чтобы перенять опыт и технологии; их авторитет подкрепляется лидирующим положением в ключевых международных политических и экономических организациях.

В современном мире также есть альтернативные проекты или модели построения общественных отношений, одни из которых предполагают строительство государства на базе исламских ценностей. Для его обозначения используется термин исламизм, хотя есть и другие определения – фундаментализм, политический ислам. Исламизм включает в себя призыв к реставрации первоначальных исламских ценностей, предлагает свой вариант устройства общества и государства, основанного на законах шарии, социальной справедливости, с сильным правителем, совмещающим в себе светскую и духовную власть. Некоторые исследователи выделяют четыре уровня исламистского проекта: локальный, национальный, региональный и глобальный. Последний предполагает создание глобального исламского Халифата⁵⁴. Таким образом, на идейном уровне ведется поиск не только национально-государственных, но и альтернативных проектов мирового политического устройства. В радикальной трактовке этого проекта терроризм выступает в качестве инструмента достижения этой цели – построения общества на базе исламских ценностей, не ограничиваясь пределами одного отдельно взятого государства. Исход противостояния на настоящем этапе предугадать невозможно ввиду политико-экономического превосходства западной цивилизации.

Основные положения исследования отражены диссертанткой в следующих научных публикациях:

⁵⁴Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламистский проект. М: Весь Мир, 2006. – 220с.

1. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал «мягкой власти» государства. Вестник МГИМО-Университета, №2 (15), 2011.

2. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике. Вестник МГИМО-Университета, №4 (13), 2010.

3. Панова Е.П.«Мягкая власть» (softpower) как способ воздействия в мировой политике//Мировая политика: новые проблемы и направления, под ред. М.М. Лебедевой. Издательство «МГИМО-Университет», 2009г.

Тираж 100 экз. Заказ № 9.

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, 26

